

Татьяна Бокова

Я влюбилась
в четверг

♥♥ Принцессы без ума

Татьяна Викторовна Бокова
Я влюбилась в четверг.
Принцессы без ума
Серия «Любовная лирика
Татьяны Боковой»

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42650899

Аннотация

Принцессы без ума. Женщины как всегда участвуют. Книга 2. Любовная история о буднях современных женщин. Издерганная жизнью интеллектуалка, напористая бизнес-леди, подружка-тихоня, разведенная «вечная девочка»... Они такие разные, но каждая ищет самую короткую дорогу к счастью, мечтая о "крепком плече" и "серенадах под окном".

В тексте повествования много оригинальных высказываний и афоризмов, ироничных размышлений о самом сокровенном, и, конечно, позитивный настрой на любовь.

Читайте любовную исповедь одной из Вас, уважаемые современницы, чтобы однажды признаться самой себе: "Я влюбилась..."

В четверг или в воскресенье, не важно.

Содержание

Часть I

6

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Татьяна Бокова

Я влюбилась в четверг.

Принцессы без ума

...Мудрые советы и яркие афоризмы, стихи о любви и откровенные ответы на каверзные вопросы...

Читайте детективно-любовную историю, крик души одной из Вас, уважаемые современницы!

Автор знает, о чем пишет.

Современные мужчины. Такие разные...

Мужчина – сказка... Идеал. «Манекен» на витрине жизни. Общественная собственность – твоим никак стать не хочет... А надо ли?...

Возлюбленный – чужой муж... Заполучить легко. Но общаться приходится, озираясь. И с женой придется его любовь пополам делить, пока ему от вас двойная порция достается.

Мужчина – друг... Без него плохо, с ним спокойно, а сердечко не бьется...

Современные мужчины... Такие похожие...

Где и как отыскать свою «вторую половинку» в толпе прынцев?

Как побеждать одиночество день за днем, если любовь еще только ищет тебя?

*...Россыпь слов. Поступок. Мысль.
Чувств безбрежное раздолье...
В жизни все имеет смысл,
если создано с любовью...*

Посвящается моим самым дорогим людям на свете: родителям Светлане и Виктору, сыну Александру и вдохновительнице множества общих добрых дел Ксении.

*...Жизнь – только такая, какой ты ее видишь.
В ней есть все и для каждого.
А если тебе чего-то недостает – ищи!
Оно есть. Рядом. Самое-самое.
Только твое. И обязательно найдется.
Помни об этом.*

Часть I

Тайна голубого конверта

Хлоп... По ногам больно ударила тяжелая пластиковая дверь. Поспешно вытолкнув меня из теплого чрева московского метро, она уже разевала пасть перед следующей жертвой.

«Некогда. Нekoгда. Шевелитесь, поторапливайтесь, проходите...» – слышалось в ее противном скрипе.

На секунду замешкавшись, я потеряла ушибленное место.

Бум... Глухой удар в спину, и моя модная дамская сумка, тяжелая до невозможности, слетела с плеча.

Бамс... Тримя килограммами апельсинов по коленке.

Нет. Лучше уж не останавливаться. Быстрее на выход, не разгоняясь и не отставая, вместе с дружной толпой безликих пассажиров общественного транспорта.

Уф!.. В ноздри ударил свежий воздух...Две-три секунды на застегивание всяческих пуговиц, укутывание носа в воротник... До уличного простора остался один поворот, несколько секунд времени и всего одно, теперь уже последнее, усилие – девять скользких ступенек вверх.

О нет! Навстречу мне из сырых сумерек последних дней октября приближались липкие снежинки. «Боже, за что?..» – всхлипнуло мое нутро, и рука обреченно потянулась в кар-

ман. Иди сюда, мягонькая и тепленькая, греющая ушки и оттеняющая щечки. Пробил твой час, ненавистное изобретение человечества! Злостный враг всех женщин под миленьким названием «ша-поч-ка»! Разрушитель выстраданных поутру женских причесок – уложенных локонов, гладких прядок и завитых кудряшек.

Это ты превращаешь «волшебную фею» в «ободранную кошку» с приплюснутыми и торчащими в стороны ошметками волос не первой свежести!

И все же «кошкой» быть лучше, чем согласиться на снежный сугроб на макушке или примостить на ухоженной челке парочку о-ча-ро-вательных сосулеч.

Уверенно нахлобучив шапочку цвета Барби, я шагнула на улицу.

Что дождь со снегом, что снег с дождем... Что в шапке, что без шапки... Все едино. Лишь бы домой, скорее домой, любой ценой, не оглядываясь и не отвлекаясь, мимо продрогших лоточников и ярких витрин магазинов, мимо всей этой уличной жизни, по касательной...

«Смотри под ноги, – притормозила я себя, сосредоточиваясь на поиске редких островков льда в месиве луж. – В модных сапожках на шпильке ножку надо ставить наверняка! Как у сапера, нет у тебя права на ошибку. Ошибка – и хрямс каблучок. Ошибка – и смерть башмачкам. Раз – шажок, два – шажок, умничка-девочка».

Но трудно все время смотреть под ноги, когда так хочется

домой, а из-за поворота в любое мгновение может выскочить автобус.

Ну и что, что дом – на расстоянии одной автобусной остановки от метро?

Ну и что, что врачи говорят – надо больше ходить пешком?

Долой солидность и размеренность... И врачей долой с их советами. Долой!

Домой! Домой!

Сегодня счастливый день – у меня свидание! Нет, не так! Сви-да-ни-е! С моим мужчиной. Он такой умный, добрый, щедрый. Он, наверное, как всегда, принесет с собой коробку конфет и бутылку шампанского. Ну и что, что я не люблю эту отдающую дрожжами шипучку, а от шоколадных конфет с одинаковыми начинками из варенья ноет зуб (внизу, справа), зато я уже год стараюсь любить его! И прощать... И понимать... Изю всех сил. Боже, как же это трудно, даже если он друг детства!

И я представила своего прЫнца, который в это время, наверное, уже мужественно продирался ко мне сквозь московские пробки. Как скоро я увижу его в своем дверном проеме – в модных туфлях, в коротком пальто нараспашку, причёсанного и ухоженного!.. Конечно, зачем ему галоши, зонтик или шапка-ушанка, если есть серебристый железный конь с иностранной родословной?

Я мельком взглянула на свои забрызганные грязью сапож-

ки и перешла на галоп. Надо еще успеть ужин подогреть и себя в порядок привести...

Бегом за автобусом, расталкивая и обгоняя. А теперь на автобусе, теснясь и толкаясь. Ничего, еще чуть-чуть, домой, домой, до дома-то осталось всего два шага.

Эти два шага я преодолела мучительно и с потерями. Почему? «Ищите мужчину, и вы найдете проблемы», – иногда говорят женщины и почему-то оказываются правы.

Голубоглазый блондин... Он встретился мне там, в автобусной давке, улыбчивый и галантный. Он стоял рядом и не сводил с меня своих голубых очей. Нет, это еще не все! Он поддержал меня под руку, когда водитель резко тормознул непослушную машину. И даже больше! Он вышел со мной, и подал мне руку, и взял мою сумочку, и сопровождал меня, почти парализованную от счастья, по скользкому тротуару до самой лавочки. Он поправил мою сползшую от удивления на лоб шапочку, и я чуть было не представилась ему нежным именем «Золушка».

А пока я грезила наяву, он махнул мне рукой, вспрыгнул на подножку и умчался вдаль, прихватив с собой мою сумку, тяжеленную до невозможности. Определенно, он хотел облегчить мою участь, ведь негоже Золушкам разгуливать по слякоти с тяжестями в руках. А может быть, он желал сохранить память о таинственной незнакомке и теперь будет перебирать принадлежащие мне вещи долгими вечерами на зимовке в Антарктиде или в капитанской рубке во время мно-

гомесячного плавания...

Громко хлопая носом, я стояла на пустой остановке и пыталась подсчитать потери от встречи с еще одним сказочным образом мужского рода. Материальные потери сводились к дорогой помаде, новой туши, любимому зеркальцу, трем килограммам апельсинов и еще целой куче того, что неотвратимо скапливается в недрах дамских сумок, подолгу не видит белого света и в любой момент может крайне пригодиться. Моральный ущерб не взялся бы подсчитывать и швейцарский банкир.

Я достала из кармана кошелек, толстенький на ощупь и абсолютно пустой по своей сути. В нем позвякивали мелкие монетки, хранились чьи-то пожелтевшие визитные карточки, смятые бумажки с номерами каких-то телефонов, заколка (с давних времен, когда у меня были длинные волосы), таблетки от неизвестно чего и еще какой-то мусор. Только денег там не было. Кошелек на месте и мусор на месте, а денег нет.

Стоило лишь задуматься о кошельках и сумочках – вещах изящных и малогабаритных, а слово «мусор» замигало в мозгу красной лампочкой. Мусор, мусор... Чтобы вся жизнь не стала сплошным мусором, с каждым отдельным его скоплением необходимо нещадно бороться...

С этой почему-то успокоившей меня мыслью я подошла к урне и высыпала в нее из кошелька все до последней крошки. Так-то лучше. Кошелек на месте. И мусора в нем нет. Прав-

да, и денег тоже. Все мои деньги остались в сумочке, где они хранились, ради их безопасности, в косметичке. Да, в косметичке. Вместо косметики. А косметика лежала во внутреннем кармане сумки. А все, что не попадало в косметичку или карманы, складывалось в кошелек. Вот так. Все наоборот. Чтобы мошенников и воров запутать. Мне так подруга посоветовала. Сама я, конечно, тоже путалась, что где лежит, вечно искала что-то в кожаных недрах, но ведь легкой жизни мы исторически не ищем, правда? И следы запутывать – у нас в генах, наследственное, от предков-партизан.

От мыслей о запутанной роли человеческого существования меня отвлек знакомый звонок. Мобильник... Мой? Дрожащими руками я выловила со дна кармана оказавшееся там по счастливой моей оплошности родное серебристое тельце. Ну, порадуй же меня!

– Алло!

– Курочка, это я... – ангельским басом проворковал мужчина моего сердца. Господи, ну почему курочка?

– Привет... Лёшик, ты уже скоро?

– М-м-м... У меня тут... В смысле... задерживаюсь я. Не знаю, на сколько. Может, давай лучше на следующую среду перенесем? Пораньше освобожусь, и весь вечер наш будет! Алло... Ты меня слышишь, рыбка?

– У рыбки только что украли сумку с ключами и деньгами... – с трудом выдавила из себя я, цепляясь за свою беду, как за соломинку, в надежде, что уж в этом случае он точно

бросит все дела и прилетит меня спасать.

– У какой рыбки? Что украли? – не понял любимый.

– У меня. Украли сумку. Вот. На остановке. Схватил и уехал на автобусе.

В трубке напряженно молчали.

– Ты сама в порядке?

– Да.

– Слава Богу. Слушай, котик, а Анюта дома?

Мне хотелось крикнуть во все горло: «При чем здесь Анюта?» – но я безропотно сказала «да» и всхлипнула как можно тише.

– Иди скорей домой, она тебе дверь откроет, побудет с тобой.

Я молчала.

– Да не переживай ты так. Главное – сама в порядке. Замки сменить нужно, а деньги – они что, бумажки... Эх, елки-моталки, я подскочить не могу... – Лешка говорил все тише.

«Может, он и правда на важном совещании? Зря я обижаюсь...» – не успела подумать я, как он зловещим шепотом добавил:

– Моей приспичило все этажи обойти, уже некуда сумки с покупками складывать, полный багажник... Нанял же ей водителя, так нет – меня вдобавок к нему подавай!

Лешик сам себя оборвал на полуслове, а спустя мгновение подвел замечательный итог всем моим годовалым сомнени-

ям.

– Но ты же все понимаешь, да? Ты же у меня сильная... Так ведь, зайчик?

Он говорил еще что-то, а зайчик молча вытирал крокодиловы слезки.

– Алло! Алло! Наташка? Я тебе позвоню! Ты меня слышишь? На-та-аш!..

Я слышала, слышала... и, кажется, наконец услышала все. Даже то, что он и не говорил... И с каждым его словом очень быстро, как запах дешевого одеколona, стали улетучиваться мои мечты о нем, о нас, заменяясь на картинки пережитых рядом с ним неприятных мгновений.

Господи, да где ж мои глаза были? Он же не зайчик, и не рыбка, и не птенчик. Он ведь самый настоящий...

И я позволила себе произнести это вслух, хотя и едва слышным шепотом:

– Свинтус обыкновенный. Козел... с бубенчиками, индюшати́на расфуфыренная... – И уже громче: – Да пошел ты!..

Нет людей без недостатков. Истинная правда. Но у Лешика ко всем полагающимся каждому из нас изъянов был еще один, которого не должно быть у любимого мужчины, – он был женат. И я знала! Он связан, обязан... В этом случае, даже если очень хочется, все равно нельзя. Нельзя! Слышите, девчонки всего мира? НИ-НИ! Не трогать. Забыть и думать. Сама виновата. Курица безмозглая. Овца серая...

Мысленно перечислив добрую половину обитателей стан-

дартного зоопарка, я изо всех сил, словно вредное насекомое, мучившее воображаемых животных, придавила к холодному корпусу кнопку отбоя и мысленно подвела жирную черту под неудавшимися отношениями с очередным смертельно женатым прЫнцем.

Собственно, не такой и очередной он был... Совсем не много было в моей жизни мужчин. Все время с семнадцати и до тридцати лет было посвящено лишь одному – мужу, теперь бывшему, но с ним не сложилось.

Эти последние три года одиночного плавания... дали мне... несколько знакомств.

Филипп... Сердце сжалось от боли при мысли о нем... Далеком. Недоступном. До сих пор забытом.

Мишка помогал мне все это время, как мог... Спасибо ему за дружбу верную...

А теперь вот Алексей. Дружок с детства, в одном дворе росли. Он попробовал войти в мою жизнь в роли романтического героя. Лешка ходил за мной лет с десяти (правда, ему было уже тринадцать, и что он нашел тогда во мне, долговязой неуклюжине?), но только теперь, после развода с мужем, я взглянула на него наконец как на представителя противоположного пола, и мы попытались построить друг для друга «Храм нежного чувства» на месте крепкого фундамента давней дружбы... Получилась кривая-косая хижина с худой крышей и щелями в стенах...

На этих словах мое бедное сердечко снова больно вздрог-

нуло.

Очень хотелось бы уже прекратить эти душевные мыкания, чтобы появился наконец рядом со мной тот самый, по-настоящему единственный, с которым можно было бы идти за руку до самой смерти!..

Где же ты, половиночка моя, неприкаянная? Вот она я!!! Ау!!! Ау! Ну находишься же! Заждалась я уже, почти верить перестала... А может, и нет тебя на этом свете? Может, я – какой-нибудь левый ботинок с витрины, настолько выгоревший от прямых лучей солнца, что для него теперь если и есть где-то на складе предназначенная ему пара, то и она не подойдет, не состыкуется?!

Но и сдаваться в плен кому ни попадя я все равно не согласна. Так что с сегодняшнего дня исправляюсь. Никакого больше романа между нами! Никакого больше Лешки в моей жизни! Пусть не подходит ко мне на пушечный выстрел!!! Ни он! Ни другие! Фу... Стало, кажется, легче. Груза на моих плечах действительно с каждой минутой становилось все меньше.

Свободной, независимой девушкой, не отяжеленной перспективным романом и пухлой дамской сумочкой, я шагнула в ледяное месиво, с наслаждением прислушиваясь к хрустнувшему, словно переломанный хребет динозавра, льду под моими ногами.

Шире шаг. Раз. Два. Слово гвозди, забивая каблуки в промерзший асфальт, я мужественно преодолевала послед-

ние метры моего «славного» пути домой.

Но беда не приходит одна. Неловкое движение, и теперь уже не лед под ногами, а моя лучшая юбка предательски затрещала по шву.

«Понимаю, милая, тяжело удерживать столько выросших на мои бока лишних килограммов. Ну потерпи, потерпи! Теперь уж точно, с горя, запишусь – и на аэробику, и на каланетику... Что там еще выдумано? Аквамучения, диетический массаж!..

Все. Начинаю новую жизнь.

Но! Никакой новой любви, никаких новых мужчин. От них только самооценка падает. Занимаюсь собой, любимой, своим здоровьем, карьерой, конечно... Только бы реорганизация не началась, а то уволят еще... Нет. Никаких плохих мыслей. Один позитив. Все будет хорошо... Ведь правда?»

В надежде (которая опять никак не желала умирать, чтоб ей!) я подняла черные от расплывшейся туши глаза к небу, но оно было напрочь затянуто серыми тучами. Вот так всегда – никакой поддержки от окружающей среды: ни тебе луны ночью, ни тебе солнца днем. Где вы, небесные светила? Хорошо жить на юге, там хотя бы погода радуется, а в северных широтах...

Собственно, предаваться философии сил уже не было, но и в подъезд без ключей я попасть все равно не могла. Стояла немым вопросительным знаком и тыкала на все кнопки кодового замка, вспоминая нужный порядок цифр, в ожидании

какой-нибудь соседки. Действительно, из-за угла дома очень скоро вынырнул сосед – молодой и привлекательный новый жилец со второго этажа. Но меня уже тошнило от всех этих молодых и привлекательных, при ближайшем рассмотрении оказывавшихся прЫнцами высшей категории. Поверишь такому, войдешь с ним в подъезд, а там запросто получишь чем-нибудь тяжелым по голове...

Я пропустила вперед удивленного моим взъерошенно-настороженным видом соседа и, внимательно вглядываясь в его спину, вошла следом.

В подъезде тускло, но все же светила лампочка. Лифт не работал. Сосед пулей взлетел на свой этаж – похоже, он торопился смотреть последний выпуск криминальной хроники. Сегодня он точно будет вглядываться в мелькающие там подозрительные лица из опасения обнаружить мой фоторобот... А может быть, и он, как я прЫнцев, боится всяких прЫнцесс типа меня, неизвестно по какой причине околачивающихся у дверей в темное время суток... Ха-ха! Весело...

Мне надо было всего двумя этажами выше, и все равно без приключений не обошлось. На третьем – с лестничной клетки вылетела собака и перепугала до смерти. Зато рядом с моей квартирой на четвертом этаже по-прежнему находилась квартира самой замечательной соседки на свете и моей лучшей подруги в одном лице. А у Анютки, слава Богу, в целости и сохранности лежали запасные ключи от моей двери, что было так кстати, так кстати!

Через пять минут я пластом лежала поперек своей кровати с компрессом на голове, бутербродом в руке и сбивчиво жаловалась подружке на свою горькую судьбу.

– А он что? А ты что? А он что? А ты что? – сокрушаясь, причитала Анютка, машинально размешивая для меня давно растворившийся кусочек сахара в кружке горьковато-душистого мятного чая.

А я? Что я? Я ничего. Не хуже других одиноких красавиц, с распахнутыми душами гуляющих по широким просторам родной отчизны.

Прошел денек? Прошел. Ну и что, что отвратительно-неудачный?.. Мы боролись? Боролись. Делали все, что могли? Делали. Значит, чего-то добились. И наверняка хоть чуть-чуть, но приблизилось к нам наше женское – великое и загадочное – *«Все будет хорошо!»*.

Заворачиваясь после горячего душа в нежную махровую шерстку банного халата, я твердила, как древнее заклинание, эти три слова, привораживая светлое будущее. И мой внутренний голос вторил эхом. Все его четыре Противоречивости, а именно: Здравый Смысл, Совесть, Жалость и Вредность – выступали единым фронтом, что бывало крайне редко.

«Все действительно будет! – хором уговаривали они меня. – Надо только определить для себя раз и навсегда, что тебе нужно в этой жизни, и разобраться наконец, кто ты есть на этом свете...»

«Господи, как я устала! Как надоело все... – бурчала я им в ответ. – Надо-е-ло... Надо-е-хоть... Уехать, что ли, куда-нибудь подальше? На Луну бы хорошо, да, говорят, там еще труднее, чем у нас тут, дышится... В деревню к тетке? В глушь, в Саратов? Эх, давно пора, только нет у меня никого нигде, сижу всю жизнь в своем городе, как лягушка в болоте, и квакаю направо-налево... Хотя... Бывают еще и лягушки-путешественницы, кажется?»

Я подошла к зеркалу, вглядываясь в запотевшую поверхность, словно в недостижимую линию горизонта, туда, где края далекие, теплые, заморские... Но сквозь покрытое мелкими капельками воды зазеркалье было проблематично разглядеть как дальние сказочные страны, так и ответы на мучившие меня в последнее время вопросы. А пора бы, пора бы уже определиться, во имя какой такой благой цели и на какие такие муки я готова пойти в своей жизни... Через несколько дней как-никак стукнет тридцать три. Возраст Христа.

На следующее утро, к счастью, субботнее, я легко встала рано и энергично принялась за дела. Уже и раньше я замечала за собой эту странность – когда жизнь в очередной раз загоняла меня в угол, откуда ни возмись появлялись недюжинные силы бороться за свое место под солнцем со страстью, достойной лучшего применения.

Я составила длинный список дел на день, все пункты которого наконец касались только меня и моего скромного существования. Никакого «мужского рода» в планах на буду-

щее! Прежде всего я вызвала мастеров сменить дверные замки и тут же рьяно принялась за уборку. Я драила, мыла, терла, скоблила все, что попадалось под руку, не столько освобождаясь от пыли и грязи, сколько уничтожая следы пребывания в моей квартире (или душе?) мужчины, вычеркнутого вчера из списка живых.

Лешик, правда, еще не знал о постигшей его участи. Пока я рвала его фотки, отправляла в мусорное ведро его подарки – плюшевого слоника (это что, намек?), свинью-копилку (похоже, все-таки намек...), сердечко на палочке с идиотской надписью «Вечно люби меня» (нет, ну не эгоист?)... мой, уже бывший, выпускал в моем направлении хиленькие стрелы Амура. Каждые полчаса мобильный телефон взвизгивал, то вызывая на связь, то принимая сообщение.

Заслышав характерные звуки, я терпеливо отставляла швабру, откладывала тряпки, охорашивалась перед зеркалом, как будто он мог меня увидеть, и гордо шла на зов, чтобы с чувством глубокого удовлетворения прочитать и тут же стереть из памяти всяческие его эсэмэшные извинения и сопутствующие им любовные охи-вздохи. Или же просто нажать на кнопку «Сброс», выразив таким образом свое теперешнее отношение к его персоне.

Хоть и сомнительное, но все же *какое удовольствие самой* расставлять точки! (Пусть даже там, где ставить их совсем не хочется.)

Как сказал бы мой наимудрейший родственник, а имен-

но – родной папочка: «Надо. Есть такое, понятное с детства, хлесткое слово «на-до»!»»

Сердцу-то было давным-давно ясно, что и на этот раз поезд любви мчался под откос, а мой избранник скорее всего уже был готов прыгнуть на ходу и только выбирал для этого подходящий момент, такой, чтобы и овцы целы были, и волки сыты. Не будем углубляться, кто тут «овцы», а кто «волки», все равно любая женщина знает, что такое «давай останемся друзьями». (Для тех, кто по счастливой случайности не в курсе, запоминайте – это так, чтобы *ты* ему жить не мешала, а *он* с тобой всегда связаться мог, если что...)

А самое главное, как мне казалось в тот момент, мой **прЫнц** хотел, чтобы его возвращение в семейное гнездышко – к заждавшейся его жене, диетическому питанию и прочим домашним радостям – было мягким и безболезненным. Именно поэтому, а не из-за напряжения в работе и повышенной бдительности его супруги, мы начали реже встречаться, я стала походить на умное животное, ожидающее очереди на бойне, а он – на сентиментального палача, вздыхающего от своей тягостной участи.

Нет, я вообще-то ничего против семейного образа жизни, его или своего, никогда не имела. Совсем наоборот! Я выросла в дружной крепкой семье и мечтала растить своих детей в похожей атмосфере. И у меня почти получилось. Как-то, «на заре туманной юности», я по любви создала одну миленькую ячейку общества, родила очаровательного малыша.

Вот с атмосферой только не вышло... Слишком часто она становилась раскаленной, как поверхность Венеры. И спустя несколько лет, вся в волдырях, ошпаренная и обожженная (фигурально, конечно, выражаясь), я сбежала на волю от своего законного прЫнца, прихватив с собой лишь пару чемоданов, мешок горького опыта и маленький осколочек бывшей любви – любимого сынишку Павлика.

«Ну взгляни на себя! Ну что за умница, ну что за красавица!» – убеждал меня изнутри мой Здравый Смысл, и я, отгоняя тоскливые мысли и до боли втянув живот подальше под ребра, завертелась перед зеркалом, принимая очаровательные, на мой взгляд, позы.

Вглядываясь в чужое лицо, мы обычно анализируем морщины, складки, мешки, пытаюсь через внешность познать человеческую душу, ее достоинства и пороки, а разглядывая свое изображение, считаем года, пережитые нашей кожей. Как нам не хочется признавать, что зеркало отразило не столько возраст кожного покрова, сколько все следы наших переживаний, настроений, результатов мыслительной деятельности, физических страданий и даже лишнюю рюмку спиртного. Но по сравнению с моей попыткой взглянуть в себя прошлой ночью зазеркалье было настроено снисходительно и отразило мою мордочку достаточно благосклонно.

На меня смотрела (даже сейчас, после вчерашних нервов и слез) хорошенькая «рыженькая лисичка» с лукавыми глазами, черненькими бровками и аленькими губками. Ну все,

кажется, для счастья есть. «И куда только они смотрят?» – задумалась я, и мой взгляд непроизвольно стал смещаться с лица куда-то ниже. Ниже. Еще ниже... Эх, мужчины! Куда бы вы ни смотрели – чего уж Всевышнего гневить? – везде округлостей всяких хватает. Хотя... Если бы Он, то есть Всевышний, моего мнения спросил, когда меня создавал, я бы, конечно, ВСЕ не так сделала! Тут – поуже, ясное дело. Здесь – подлиннее, чтобы такая линия плааав-ная... А тут? Ну что за безобразие? Отрезать, отрезать! Побольше!.. Я принялась нещадно оттягивать свои бока в районе талии, сокрушаясь, что у них там, на небесах, похоже, к результатам конкурсов красоты никто не прислушивается...

Радостно тренькнул дверной звонок.

Ой, уже двенадцать! Пора открывать «Салон красоты».

...А что? Когда хочется все бросить и уехать куда глаза глядят, по-моему, самое время взяться за что-то важное и привести это в порядок... Если хочешь улучшить свою жизнь, почему бы не улучшить для начала свою внешность, вдруг тоже пригодится?

Стоило мне только приоткрыть дверь, как я перестала принадлежать себе. Изображая непринужденность, с веселым щебетом в прихожую влетела стайка моих подруг. Картину происходящего можно было назвать «Поддержим подругу всеми своими слабыми женскими силами!».

Иришка, со сверкающей всеми цветами радуги французской помадой на губах поверх обворожительной голливуд-

ской улыбки, пряча жгуче-карие глазищи под чуть затемненными очками, кинулась обниматься и все приговаривала, что я «ну просто никогда еще так отлично не выглядела!».

Танюха, размахивая перед моим носом вместо нашатыря бутылкой какого-то заморского вина, тыкала в меня букетиком незрелых розочек, то ли проверяя на прочность, то ли призывая почувствовать аромат весны, которая обязательно наступит... месяцев через пять.

Скромная Инночка, хрупкая веснушчатая девочка-длинноножка, наш добровольный и по-дружески почти бесплатный массажист-косметолог, в это время уже доставала из огромного шуршащего пакета тубики и баночки с волшебными жидкостями и сказочными кремиками, не переставая бормотать рекламные заклинания, смыслом которых было то, что она обязательно сейчас сделает из меня «конфетку».

Настоящие подруги! Как тщательно они приготовились выводить меня из состояния депрессии, как яростно бросились спасать всеми возможными средствами!

...В дверном проеме появилась сонная, всклокоченная Анютка в маминой ночной рубашке 56-го размера. Еле передвигая ногами, вся увешанная сумками и пакетами со снедью и напитками, она на автопилоте проползла мимо по коридору в сторону кухни.

Ну кто ж из моего окружения не знает Анютку и ее самообладание?.. Никакие стихийные бедствия не могли вывести эту сотрудницу МВД из равновесия, поэтому девчонки, на-

правляясь ко мне, сначала завалились к ней, подняли ее с кровати и притащили ко мне для усиления своей целительной мощи.

Только усиление из моей милиционерши в это утро было никакое. Полночи она исполняла свой служебный долг, помогая мне в мельчайших подробностях восстанавливать картину ограбления (правда, в милицию идти отговорила). А оставшееся время до рассвета Анюткин укрепляла мою пошатнувшуюся уверенность в себе, так как теперь я искренне считала, что не способна вызвать у мужчин никаких серьезных намерений, кроме желания ограбить. И так подружка моя доукрепляла меня, что ее внешний вид стал давать еще больше оснований для сочувствия, чем мой собственный.

Но... Как бы ни выглядела в то утро бедная Анютка, все-таки официально «объектом» была я, о чем мне постоянно напоминали заботливые вздохи и приветливые поглаживания милых подружек. Я незаметно вошла в роль, разжалобилась от сочувствия к самой себе и... прослезилась.

– Тих-тих-тихо! У нас тут платооочек где-то был! Щааас мы!.. – тоном профессиональной нянечки заголосила Иринка, принимая из Танюхиных рук новенький, видно, специально купленный для этого случая, розовенький носовой платок со счастливым рисуночком.

– Нееее!.. – принялась брыкаться я, отступая в комнату и на ходу рукой размазывая слезы по лицу. Надо же совесть-то все-таки иметь!

– Все будет хорошо, девчонки! Все будет!

Лишь через полчаса возбуждение стало спадать. Сидя узким кружочком вокруг кухонного стола, все наконец начали успокаиваться. Чтобы быстрее прийти к единому мнению, что от перенесенных душевных ран я не обязана умирать немедленно, мы, во-первых, прикончили бутылочку сладенького винца, во-вторых, распотрошили целую пачку ментоловых сигарет, а в-третьих, опустошили холодильник. Более мелкие преступления, такие как «выкрикивание феминистских тостов под бурные аплодисменты собравшихся» или «словесные обвинения сильной половины человечества в душевной и физической слабости», конечно, не в счет.

Наконец страсти улеглись, и мы приступили к главному. Процесс массового превращения золушек в прЫнцесс пошел без сучка и задоринки...

Танюха склонила накрытую полотенцем голову над кастрюлей с отварной картошкой. Нет, не подумайте, что она лечила насморк; наша «железная леди», исповедующая в жизни принцип «Будь истинной женщиной – используй мужчин», трогательно распаривала кожу перед косметической чисткой лица.

Худышка Иринка, и в свои тридцать восемь выглядевшая ровней собственной дочери, полулежала в кресле, впитывая в себя кальциевую маску. В халате нараспашку и резиновой плавательной шапочке на голове, под которую были старательно убраны все волосинки до единой, она пыталась не

шевелиться, умиряя свою природную кавказскую энергичность. Вид, надо сказать, не для слабонервных! Лицо, шея и область декольте были покрыты толстым-толстым слоем белой извести, которая к тому же стягивала кожу, не давая ни единого шанса улыбнуться или что-то произнести. Но кожа вокруг глаз оставалась нетронутой, поэтому Иринushка все равно умудрялась активно участвовать в разговоре, энергично хлопая ресницами и выразительно вращая глазами на манер заправской вампириши из фильма ужасов.

Анютка, моя спокойная и обстоятельная брюнеточка, конечно же, наоборот, от души наслаждалась покоем. На ее лбу, щеках и в районе глаз живописно разместились огуречные кружочки, а кисти рук отмокали в детской мисочке с каким-то раствором мутного цвета.

Я же, как главная героиня дня и возможная лягушка-путешественница, лежала на самом выгодном месте, поперек кровати, и получала высшее удовольствие...

Массаж лица! Сколько хвалебных слов можно посвятить этому удивительно целебному и в высшей степени приятному процессу! Мои щечки розовели, кожаца разглаживалась, лицо молодело, свежело и на глазах приобретало здоровый вид. Мои натянутые нервы успокаивались, мышцы расслаблялись, дыхание выравнивалось... «Я солнце. Я большое горячее солнце. Я прекрасно и яснолико... Я радостно и спокойно. Я излучаю тепло. Много тепла и света. Я освещаю... всем женщинам дорогу... прямую и ровную дорогу... к сча-

стью... к счастью... к счастью...» Тыфу ты, кажется, это из какой-то другой оперы...

Под нежные постукивания и мягкие поглаживания Инночкиных пальчиков я совсем задремала, но все же нет-нет, но умудрялась продираюсь сквозь сладкие сонные волны и отслеживать основные изгибы в русле негромкого щебетания милых подружек.

– Ой, девчонки... Даже не знаю, как реагировать... – По букве «Г» было нетрудно догадаться, что это Инна делилась своими последними новостями. Добрая, застенчивая двадцатисемилетняя киевлянка с роскошными русыми волосами до пояса и ангельским выражением лица совсем недавно появилась на московских баррикадах борьбы за женское счастье и, как боец-новобранец, считала за честь получить от более опытных подруг-москвичек любой, даже бесполезный, совет. – Представляете, мой-то подарил мне на день рождения... кофеварку. Это ж сколько кофе в нее сыпать надо, она ж о-Гггром-ная!

– Терпи, прЫнцесса! – гоготнула Танюха. – Большое, любое, оно всегда лучше, чем маленькое! Ай да Степан!

Речь шла о первом на московской земле Инночкином ухажере, коренном жителе столичного мегаполиса Степане Сытом. Его фамилия как нельзя больше соответствовала крупной комплекции этого бизнесмена средней руки. Он был действительно весьма упитан, предельно сыт и очень доволен жизнью.

Вкусные щи-борщи, приготовленные женой, ресторанные застолья с партнерами по бизнесу и романтические пикники в Инночкиной съемной квартирке – все это не могло не способствовать укоренению чувства сытости и удовлетворения.

Однако надо отдать Степану Олеговичу должное. Однажды, после массажа его массивного лица тоненькими ловкими пальчиками нашего украинского ангелочка, этот сорокалетний мужчина по-настоящему влюбился и окружил приезжую девчущку своей необъятной заботой. То он покупал ей туфельки за 500 долларов, которые не подходили ни к одному из Инночкиных нарядов, потому что они и все, вместе взятые, не стоили столько. То не жалел денег, чтобы назвать ее именем самую далекую звезду. А недавно, желая сделать девушке приятное, он тайком выслал ее сыну, оставшемуся в Киеве с бабушкой, коллекцию новейших компьютерных игр.

Конечно, у Инночки и язык не повернулся сказать, что у мальчика нет компьютера! Да, собственно, какая разница, ведь Степушка так старался, и вообще – всегда-всегда! – при первом сигнале «СОС» Степан Олегович Сытый (прочитайте первые буквы его имени) мчался на помощь!

Действительно, редкое в наши дни качество. Истинный Королевич! Вот и полюбила Инночка своего Сосика искренне и всей душой: и за добрый нрав, и за щедрость, и за отношение нежное. И за то, что он ее полюбил, и за то, что жизнь красивую она с ним видеть стала... И от страха перед оди-

ночеством в чужом городе тоже немножко, наверное. И от того, что любить ей больше в московских джунглях некого было... А что? И такое возможно. Ведь кто же ее знает, любовь эту, что она есть такое? Откуда и по каким причинам, аки огонечек из спички, появляется? И из чего она состоит, сердешная? И какие в том рецепте ингредиенты правильные будут, а из каких чувств любви произрастать стыдно?

У одних любовь – это страсть животная, на сексе замешенная. У других – любовь пронзительная, как писк комара. Она из жалости к неблагополучию, недостаткам, изъянам рождается. У третьих это чувство появляется из жалости к самому себе, такому одинокому, или из страстного желания пригреть кого-то. Хоть кого-нибудь... иногда...

Кто-то любовь в себе трудно взращивает – не хочется, не может, но раз положено всем, значит, и у меня будет. А многим очень важно чьим-то собственником стать. Чтоб «мое» и «цыц»! Так, один мой старинный друг по имени Мишка однажды изрек: «Кто-то говорит – любовь, а я утверждаю – жадность это! Жадность!» Разве не гениально?

А мой наимудрейший родитель, уж папочка любит подытожить, сказал бы скорее всего так: «Любовь – это неистребимое желание быть рядом с кем-то, кто вырабатывает в тебе возбуждающий фенилэтиламин и блокирующий логическое мышление дофамин. А взаимная любовь – это химическая реакция нервных клеток физических лиц, направленная на сближение друг с другом».

В общем, все в жизни от нервов. Не любишь – нервничаешь. Любишь – тоже нервничаешь. Вот и нервничала Инночка, потому что любила Степку и боялась его обидеть своей нелюбовью к его последнему подарку – огромной, размером со шкаф, кофеварке.

Устройство для единовременного ублажения целого полчища любителей ароматного напитка никак не хотело уместиться в пятиметровой хозяйской кухоньке хрущевской пятиэтажки и заставляло девочку нервничать. Вот она и просила нашего совета. Может, этой заморской машине просто не нравился район Текстильщики? Или агрегат европейского происхождения не устраивало близкое соседство с мясокомбинатом, автозаправочной станцией и заводом, по ночам источающим едкий запах чего-то очень вредного?..

Может, кофеварку и не устраивало место новой прописки, только Инночку в Сытом устраивало ВСЕ. Потому что выбор – это удел богатых. А нет выбора, и сомнений нет. И нравится все подряд, и ценить начинаешь даже малое в жизни, и нервы целее.

А что? Без выбора даже легче. Определил цель и... «полный вперед». Ни тебе капризничать, ни тебе к настроениям внутренним прислушиваться. Некогда. И сил нет, работать надо... Хочешь изменить обстоятельства – работай. Не можешь изменить обстоятельства – все равно работай, только над изменением своего отношения к этим обстоятельствам. Вот тебе и закон обретения счастья... Учись радоваться ма-

лому и найдешь больше поводов чувствовать себя счастливым...

И главное, действует этот закон железно.

«Оглянись вокруг, Наточка, – еще когда я была в подростковом возрасте, спешил объяснить мне папуля. – Приглядишься, как завоевывают лучшие места под солнцем девчонки и мальчишки, выросшие в местах, где нет почти никаких возможностей. Они чаще и быстрее всех других, богатых и сытых или живущих в крупных городах, где даже при выборе зубной щетки голова кругом идет, совершают умопомрачительные карьерные взлеты и добиваются заоблачных целей... А все почему? – развивал он свою мысль, и она, как умное щупальце, проникала в мой мозг. – Нет у них другого выбора».

...Сквозь сонные рассуждения ко мне приблизился Анюткин голос:

– Да скажи ты Степану, что для тебя все эти звезды, туфельки, кофеварки – как для рыбы... крылья.

Анюта, похоже, занималась своими длинными ноготками. Я чувствовала разлившийся по комнате ядовитый запах. Конечно, сколько может пропадать купленный целых два дня назад новый ультрамодный лак бесподобного апельсинового цвета?

– Да извлеки ты... из своей кофеварки пользу, скатертью накрой – столик... будет!

Это уже была Танюха. Судя по длинным паузам между

словами, она, наверное, не дождавшись настоящей чистки, уже сунула свое распаренное лицо свекольного цвета в зеркало и давит-давит-давит какой-нибудь особо угрожающий ее красоте прыщик во лбу или на кончике носа... Ага... Потянуло табачком. Ну как же без сигаретки, если разговор такой серьезный пошел!..

– Лучше б деньги тебе давал «СОС» твой! – вместе с ненавистным прыщом и клубами дыма одним залпом выдавила из себя «железная леди». А уж она-то знала, что говорила. За ее плечами тянулся почти тридцатилетний шлейф разнообразного опыта общения с противоположным полом и пятилетний богатый опыт капитанства на корабле под названием «Журнал «Остров женщин»». Такие, как Танька, еще из коляски с младенцами-мальчиками кокетничают, а потом до глубокой холостой старости на свидания похаживают.

– Да что ты! Как же можно деньги у любимого брать? Не могу я... Да и подарки-то принимать не умею. Стыдно... – Инночка испуганно зашебетала, а ее пальчики, как барабанные палочки, принялись выбивать на моем подбородке взволнованную дробь.

– А... а... аaaaa-ПЧХИ!

Словно художник, взмахнув в воздухе кисточкой от лака для ногтей, Анютка с чувством чихнула, все вздрогнули, а с Анюткиной мордашки на пол посыпались огуречные кружочки.

– Девчонки! Караул! Моя маска!.. Мой маникюр!.. – за-

причитала она, удерживая тыльной стороной одной руки последний кусочек волшебного овоща, чудом сохранившийся под левым глазом. Другая рука в это время описывала таинственные круги в воздухе, всячески избегая столкновения с окружающими предметами.

О, сколько великого женского смысла было в этих нелепых, на взгляд непосвященного, движениях! Сожаление от прерванного раньше срока процесса ликвидации на лице отпечатка возраста. И намерение любой ценой ускорить процесс высыхания лакированных поверхностей! И желание спасти свежевыкрашенные ногти от случайной порчи!!!

Худышка Иришка не выдержала и хихикнула, от чего по ее лицу, как во время землетрясения, пошли глубокие трещины, известь стала крошиться и отваливаться кусками, пришлось, спрятав лицо в полотенце, мчаться в ванную, на ходу возмущаясь: «А почему бы не позволять мужчинам делать подарки, если им вдруг захочется?..»

– Ну, ты скажешь, Ирина, – захочется! – возмутилась Танюха, крихтя и охая поднимаясь с пола с остатками укатившейся огуречной свежести в руках. – Да это ж наказание сущее для мужиков – бабам подарки выдумывать! Представляете, каково – мучаешься, выбираешь, а потом этот выбор надо еще и оплатить из собственного кармана!

Она села за стол и принялась густо намазывать свои роскошные брови специальной краской цвета вороньего крыла, приговаривая:

– Где ж ты добровольцев-то на такое дело сыщешь?.. Их принуждать надо, ласковенько так. Незаметненько... Инночка, солнышко, ровно у меня, посмотри?

Вот огонь девка! Хочет, чтобы черный разлет ее бровей, придающей лицу оттенок легкой удивленности, был виден из космоса. «Это, – объясняла она нам неоднократно, – особый сигнал для всех проходящих мимо особей мужского пола: «Мол, может, есть на свете благородные рыцари? Я как раз подумала, что вы – последний. А я последняя дама, способная оценить вас по достоинству. Хо-хо!»»

Инна ритуально похлопала меня по отдохнувшим щекам, что означало «вот и все на сегодня», и отправилась выправлять от души подведенные Танюхины бровки, пока краска не успела вьестись намертво.

– А я очень люблю подарки делать...

– Ага, Иринка, любишь! А потом от праздника до получения хлеб с вареньем ешь и ответные подарки в лупу разглядываешь. Где-то тут у нас были знаки его внимания! – Изобразив некую ужасную смесь старушки Шапокляк и Шерлока Холмса, я встала с кровати и принялась театрально расхаживать по комнате, разглядывая сквозь воображаемую лупу разные мелочи, разбросанные повсюду. – Ах вы мои маленькие! Малю-ю-ю-сенькие значки его большо-о-о-ого внимания! Ничего... Не хватит лупы, мы вас под микроскопиком увеличим. И разглядим во всех деталях. Нельзя же такую красоту незамеченной оставить!

– Вот добрая! – Девчонки ошарашенно смотрели на меня.

Я выпрямилась и, перестав кривляться, горько добавила:

– Знаете, не нужны мне их подарки, я сама себе куплю все, что надо. Только тошно бывает выслушивать нравоучения по поводу того, как мы с них, бедных, что-то постоянно требуем да в траты невероятные вводим, а они и не миллионеры совсем и с нами, такими транжирками, ими стать не сумеют, конечно... И почему в наше время люди так редко друг друга радуют: словом добрым, но добровольно, мелочью какой-нибудь, но почаще?..

– Ха! – Танюха, кажется, знала все. – Женщинам проявлять инициативу не положено, ты должна ждать, пока мужчина первый тебя заметит и радовать начнет. А мужчинам? Им некогда просто. Работы много. Не те времена, чтобы тратить время на мысли о том, как другого человека порадовать. Максимум, на что сил хватает, так это на знак внимания.

– Вы подумайте только: «ЗНАК внимания»! – хитро сощурилась Анютка. – Звучит как дорожный знак нового образца!

– В тупиках ставить надо!

– Ага, в жизненных...

Девчонки хихикали, а я не успокаивалась:

– Не знаки нужны, а само внимание: слова добрые, забота, желание порадовать, жизнь облегчить. Да я, если влюбляюсь в кого, весь мир ему готова отдать!

– Весь мир – еще ладно... А сумку в следующий раз не

отдавай... даже если вор голубоглазый. Охо-хо! – веселились мои подружки.

– Нет, ну, девчонки, подождите. Когда не живешь с любимым под одной крышей, как понять его истинное к тебе отношение? – наступала я.

– По поступкам, – вытирая выступившие слезы, сказала Аня.

– А где их взять, поступки эти, когда все по схеме: пришел – ушел – встретились – разбежались?

– Точно. Поэтому и разглядываем с особым пристрастием то, что после них остается.

– Простыни, что ли, смятые?

– Или тарелки немытые?

Анютку с Танюхой уже трудно было остановить.

– А ласковые слова на стол не поставишь!

– А обещания вечного счастья в рамочки не умещаются, громоздкие слишком!

– Дурочки!.. Я о хорошем, а вы...

– А я не тороплюсь, – вдруг произнесла Аня совершенно серьезным тоном. – Я первые полгода к любому человеку приглядываюсь и выводов никаких не делаю. За это время даже самый ленивый и тот проявится в чем-то.

– И в чем же может проявиться современный мужчина? В ЗАГС, что ли, согласится пройти? Это, что ли, поступок? – возмутилась Танюха, вздымая руки к небесам. – «Поступки» – громкое слово, их на войне совершают. А нас уже

давно никто не завоевывает, вон по улицам и молоденького добра длинноногого, разряженного, на все готового сколько ходит. Чего на нас время тратить? Я вам так скажу – это уже не личные наши проблемы, это государственного масштаба безобразие! Слишком много войн у нас было, вот и мужчин слишком мало осталось.

– Даешь мир во всем мире! Ура! – закричали девчонки, а Танюха, довольная нашей восторженной поддержкой, продолжила развивать начатую тему:

– Нет, ну на работе они иногда поступки совершают. Если начальниками становятся или потому, что начальник приказал. А с нами мужчины от поступков отдыхают, женщины им для развлечения даны. Не нравится – из женщины женой становись. Будешь от его поступчиков в подушечку плакать. Так, Иришенька? Ты у нас с обеими сторонами медали знакома... Была для своего Игорька сначала невестой, потом женой, потом бывшей... А теперь вот в любовницы к нему попала...

– Что?!

Все уставились на Иришкины щеки, моментально вспыхнувшие свекольным цветом. Танюха быстро ретировалась и теперь продолжала как ни в чем не бывало разговор на прежнюю тему:

– Может, в принципе в любви поступки – вещь опасная. Поступишь, да и оступишься. А там и проблемы. А где проблемы, там любви – смерть...

На этих словах со дна моей раненой души почему-то стала всплывать старая обида. Вот она достигла поверхности, и я решила избавиться от нее навсегда, разделив с подругами. Заодно и повод отвлечь подруг от Иришкиной пунцовости нашелся.

– Представляете... Мишка Артамонов, дружок мой, безпяти-минут-профессор, историк... Помните? Так вот, открываю как-то дверь. Он стоит, сияет весь, как орден от общества чистых тарелок... А впереди себя коробку держит, веревочкой перевязана. Бантик сверху. «Вот решил тебя порадовать, – говорит. – Это тебе. Торт. «Наполеон». Я его так давно не пробовал!»

– И правда порадовал! – хмыкнула Танюха, оторвавшись на секунду от зеркала. Она скользнула взглядом по Иришкиному лицу, видимо, переживала, что та до сих пор не могла прийти в себя.

Так и не понял никто – то ли Танька тайную правду какую случайно раскрыла, то ли пошутила неудачно.

Не принято в нашей женской компании докапываться до истины вопреки желанию ее обладательницы...

«Платон мне друг, но истина дороже» – хорошая поговорка, однако иногда мне больше нравится вот эта:

*Большая дружба
выше мелких правд.*

Я подошла к окну и, отодвинув краешек ажурной занавески, выглянула наружу. Долговязый соседский мальчишка и миленькая девчушка лет пятнадцати бегали по двору, кидаясь друг в друга первым по-настоящему зимним снегом. И вот уже, как бы случайно, они обнимались, прижимаясь разгоряченными щеками, и, словно очнувшись, торопливо отряхивали запорошенную одежду, чтобы вновь кидаться снегом и опять дотрагиваться друг до друга невзначай.

А вся улица замерла, и даже продрогшие старые тополиные скелеты, казалось, с удовольствием прислушивались к счастливому смеху двух влюбленных.

– Любовь, – тихо сказала я, и к окну, словно воробушки к кормушке, одна за другой слетелись мои «пташечки».

Вдруг случилось непредвиденное – девчушка упала на асфальт, и у нас в комнате был слышен ее крик боли и его крик ужаса. И мы, затаив дыхание и тесно прижавшись друг к другу, смотрели, как он совершал свой поступок. Не раздумывая снял пальто. И постелил его так, чтобы ей было удобно. Он колдовал над ее ранкой на коленке и гладил ее по волосам. И вытирал ее слезы. И ничего страшнее их беды не было в целом свете. А потом он поднял ее на руки и, не замечая тяжести, понес свою любимую, самую ценную на свете ношу, домой. Как можно скорее. Как можно бережнее. Как Принц свою Принцессу...

А на асфальте осталось лежать его пальто, но он даже не заметил этого. Только пушистые снежинки, одна за дру-

гой, словно не желая расстраивать нас, торопливо скрывали под белым покрывалом этот маленький знак его большого внимания к ней. И были эти снежинки такими свежими и чистыми, как самая первая любовь, бескорыстная и безоглядная, бесстрашная и безоговорочная. Искренняя. Чистая. Она, оказывается, по-прежнему бывает. Вот она. Мы стояли и смотрели на ее следы через тонкое оконное стекло.

Слава Богу. Значит, в мире ничего не изменилось за последний десяток лет, прошедший со времени *наших* первых больших чувств. Значит, это мы просто стали другими: излишне расчетливыми и скупыми на эмоции, подозрительными и недоверчивыми, а наши души, видно, незаметно скрючились от пережитых душевных травм, перенесенных разочарований и несбывшихся надежд... То-то нам теперь легко променять глубокие сердечные переживания на удобные поверхностные отношения, а ради скучного комфорта и спокойствия цвета болотной тины отказаться от рискованного и труднодостижимого, но такого желанного счастья...

Визжа тормозами, к дому подкатил знакомый Лешкин автомобиль.

– Не пущу! – тихо сказала я.

– Спокойно!.. По лестницам даже его машина не проедет, – отрезала Анютка, а серебристое железное чрево уже нетерпеливо изрыгнуло из себя моего Алексея.

– Кто это? Симпатичный какой! – воскликнул кто-то, и Танюха в ответ пробасила, а уж голосок у казачки был ого-го:

– Инна, это прЫнц. Правда, в отставке.

– Не прощу. – Я поджала губы, а Инночка ойкнула, зажимая рот. – Не тебя, дурочка! Его...

А Лешик стоял у машины, подозрительно покачиваясь. Руками он крепко обнимал огромную керамическую вазу, бесстрашно украшенную странноватым рисунком какого-то непризнанного гения. Внутри вазы, как одинокий носок в работающей стиральной машине, болтался худенький букет хризантем и все норовил выскочить при каждом неосторожном движении. Вот мой прЫнц поднял голову, поискал четвертый этаж, пару раз промахиваясь взглядом, и наконец, заметив нас в моем окне, принялся радостно приветствовать всех ручкой. Из кармана его хьюго-боссовской куртки выпрыгнул мобильник и упал в снег. Следом туда же нырнул букетик – вниз головой, и без того растрепанной.

– Вот видите, даже вещи от него сбегает... Не только я...

– Сбегать иногда полезно. Вчера сбежала, сегодня он весь во внимании и целиком твой. Может, простишь его? Смотри, ваза какая!

– Ириш, не нужны мне ни-ка-ки-е его подарки!!!

– Девушка, вы путаетесь в показаниях...

– Нет! Я как раз распуталась. У него жена, пусть ей и дарит. Я о подарках мечтала, когда тепла хотела, дел общих, планов совместных. Он все конфеты да выпивку по праздникам нес, а я хотела, чтоб... он хлеб с молоком по будням приносил.

– Э-э-э, да у нее горячка белая! – Танюха потрогала мой лоб. – Девочки, вы тут помощь первую окажите, а я пойду молодому человеку подняться помогу.

Лешка и правда сидел на заснеженном асфальте в том же самом месте, где пять минут назад оступилась девочка, и оставленное мальчишкой пальто опять оказалось кстати. Ваза была цела.

Неглаженому белью, второй месяц украшающему кресло в моей гостиной, страшно повезло. Девчонки, решив принять удар на себя, спрятали меня в той же комнате, плотно закрыли дверь, и я наконец стала приносить пользу. Уже битый час я остервенело возила утюгом туда-сюда, разглаживая всевозможные поверхности – гладкие и махровые, хлопковые и синтетические, – то ли прячась за растущими по углам стола ровными стопками одежды и постельных принадлежностей от нежелательных разборок, то ли борясь с желанием выйти на кухню и все испортить.

Нет. Мы должны остаться друзьями. Сейчас девчонки ему все объяснят, и он уйдет...

Кажется, я впервые поменялась с мужчиной местами: он навязывался и просил объяснений, а я уклонялась и противилась каким бы то ни было разборкам. Неужели я становлюсь черствой, если меня стали раздражать чужие переживания? А где же *три великих женских «Ж»*: *женственность, жертвенность, жалость*?

И, стараясь не слышать долетающих с кухни Лешкиных

восклицаний, я только вздыхала... и думала... думала...

...Сколько раз за последний год наших романтических отношений я мечтала, чтобы Лешик вот так, внезапно объявившись на моем пороге, сказал бы: «Дружок! Я знаю, что часто причиняю тебе боль. И очень ценю, что ты все равно хочешь быть рядом... Я даю обещания, которые честно мечтаю выполнить, но у меня не очень получается. Я исчезаю надолго безо всякого объяснения, а ты, я знаю, изводишься и глотаешь успокоительные. У меня есть семья, а ты все время одна. Я хотел бы, чтобы все было по-другому, НО...»

Мысль натянулась и оборвалась, отозвавшись болью в висках. Что «но», я не знала. «Но» – не могу? «Но» – не хочу? Или «но» – так принято в наше время, что у настоящего мужчины обязательно должна быть любовница, а одинокой женщине трудно прожить без мужика, и если нет своего – довольствуйся половинкой чужого и не хнычь?

Не знаю. Я сама не знала, ЧТО бы хотела услышать. Откуда же тогда Лешику знать, что мне надо, и как найти для этой истории хотя бы дохленькое, но все же счастливое завершение? Ему ведь некогда анализировать происходящее, он и так разрывается между «заколачиванием денег», семьей и мной в придачу. И если работа и жена с детьми – необходимый «прожиточный минимум», то я – развлечение дополнительное. Игрушка. Тем более давнишняя, с большим историческим прошлым, корнями из самого детства, когда мы с ним сидели рядышком на верхнем суку огромного дуба,

растущего посреди двора, и исподтишка кидались желудями в тех, кто качался на вкопанных неподалеку скрипучих качелях. Как нам досталось за это однажды от Аллы Савиновой, самой старшей из нашей дворовой компании, за эти проказы – и сейчас помнится!

Тренькнул телефон, отвлекая от грустных мыслей. Я поблагодарила Всевышнего за помощь и попыталась нажать правильную кнопочку.

– Алло?

– Алло! Не слышно... Ната-аш... Уже лучше. – Надо же! Это сквозь тысячи километров прорывалась та самая Алла Савинова – «Командир нашего двора», «Совесть детворы всей округи». Тогда она навела на меня ужас, но много позже мы все-таки подружились с ней по-настоящему. Алла приехала как-то отдохнуть на теплый остров Кипр, где я тогда жила с мужем-банкиром, ей понравилось, и она не долго думая перетасила своего мужа Димку под лучи средиземноморского солнца.

Алла до сих пор жила на Кипре, не чувствуя в себе сил покинуть облюбованное место даже теперь, после трагической смерти своего супруга, взяв на себя обязанности генеральной управляющей созданной там Димкой Савиновым оффшорной финансовой компанией.

– Наташ, я не вовремя? – пробасила Алла своим прокурорным голосом.

– Нет, как раз наоборот. В самый раз. Я тут с Крапивинным

расстаюсь, решила наконец... В общем, собралась я воспользоваться своим правом и *всех* своих знакомых мужского пола, даже дальних, как Думу Президент, по домам распустить...

– Бедный Лешенька! Круто вы там в Москве живете! И... И много там у тебя таких, как Крапивин?

– Да нет, что ты! Один он, если в полном смысле. Ну, есть и другие знакомые, конечно, как у каждой женщины. Алла! Вокруг каждого человека, как вокруг солнца, люди, как планеты, на разном удалении крутятся. С одним человеком часто пересекаешься, другого – раз в год видишь...

– И ты, значит, решила больше ни с кем никогда ни за что! Так? Долой пиявки с нежной женской кожи! Ура! Да здравствует солнечная система, состоящая из одного солнца! – Алла глухо засмеялась в трубку. – Наконец-то и ты дозрела до одиночества!

– Да не дозрела я! – закричала я, изливая эмоции последних дней. – И никогда НЕ дозрею!

– Почему? Очень даже созреваешь, судя по твоим заявлениям. Осталось развить «культ в масштабах собственной личности». Ну, в этом бери пример с меня! Не жизнь – а сказка! Утром спрашиваешь себя: «Чего изволите пожелать, госпожа Савинова?» И сама себе отвечаешь: «Сейчас подумаю, госпожа Савинова!» И никаких возражений. Идешь и даешь себе все, чего хочешь! Нет семьи, нет детей и нет обязанностей и обязательств. У тебя ведь сейчас сыном родите-

ли занимаются?

– Да. Я же работаю весь день, когда мне... Я за город к своим раз в неделю езжу.

– Правильно. Отработал – и на свободу: шагай куда глаза глядят! Долой тиранию над женским организмом!

– Аллюсик, милая, никто меня не тиранит. Я сама себя мучаю, терзаю... Все пытаюсь гармонию в своем мире найти. Как развелась, так все думаю: «В чем счастье? В чем смысл жизни?»

– Это ты много думала, вот и развелась! Если хотела семейного счастья, не надо было задумываться. Я тебя предупреждала: «Думай редко, но метко!»

– Савинова... Ты такая молодец, камень, глыба! Все у тебя по полочкам, вся жизнь по пунктикам. Неужели тебе не бывает грустно, одиноко?.. Особенно теперь, когда Димки нет? – спросила я.

– Скучно, грустно, одиноко – это все эмоции. А *эмоции – мусор на дне души!* – выпалила Алла, и стало слышно, как она чиркает зажигалкой, прикуривая сигаретку. – Я тут сижу на своем балконе, вдалеке море плещется, хорошо... Вот тебе и все эмоции... И других мне не надо.

– А как же любовь? – настаивала я.

– Я и без нее в ажуре. Надо только напарника по сидению на балконе найти, и все.

Алла была моей противоположностью, в ее сущности преобладала рациональность, рассудительность. Она решитель-

но шла по жизни и даже любовь умудрялась использовать себе во благо. Дочь уборщицы из коммунальной квартиры в провинциальном рабочем поселке – она стала живым воплощением образцово-показательной барышни из феминистского рекламного буклета «Знай наших!».

– А я и с любовью, и без нее – «никакос»! – попыталась пошутить я.

– Ешь «Баунти», будешь «кокосом», вот я – вся в шоколаде и «Шанелью» пахну, как сама Коко! – сострила Алла.

Незаметно я догладила противный пододеяльник и взялась за удобные для утюга маленькие носовые платки. «Хорошо, что она позвонила, – подумала я, складывая квадратик платочка пополам. И еще раз. – Пока девчонки там на кухне с моим бывшим разбираются, мне полезно послушать «рецепты счастливой жизни от Аллы Савиновой», да и некрасивая гора неглаженного белья стремительно тает. Тоже польза».

Аллочкина жизнь действительно могла бы стать сюжетом для рекламного ролика образцово-показательной жизни современной деловой женщины.

Алла Савинова самостоятельно управляла финансовой компанией. Это раз. Современная женщина Алла Савинова перемещалась в пространстве исключительно на автомобиле «БМВ» седьмой модели и жила на огромной собственной вилле. И даже сам холм, на котором эта вилла красовалась, со всеми его колючками, редкими кустиками, семейством диких кроликов и мухами, летающими над ними, тоже на-

ходилась в ее единоличном владении... Это два и сразу три. Модная женщина Алла Савинова даже в офисе имела гардеробную комнату, полную дизайнерских вещей, и переодевалась столько раз на день, сколько раз выходила из своего кабинета. Это четыре.

Ежемесячно она оплачивала множество счетов от дантиста, массажиста, теннисиста, аквалангиста, шахматиста, гитариста и других многочисленных профессионалов при полном отсутствии каких-либо счетов от терапевта, психоаналитика, частного детектива, юриста и других специалистов, занимающихся чужими проблемами. Это пять, и шесть, и семь, и восемь, и так далее, пока не устанете.

Чего же не было у Аллы Савиновой?.. Во-первых, проблем. Но это скорее плюс, чем минус. Во-вторых и в-третьих, у нее не было детей и уже год не было мужа. Это были огромные грустные минусы, конечно. Но Алла всегда считала, что на фоне минуса хорошо смотрятся плюсики, а два минуса вообще в плюсики превращаются, стоит их перемножить.

– А как же чувства?.. – настаивала я.

– Чувства... – Алла затянулась сигареткой и, словно строгая учительница, закрепила пройденный материал: – *Чувства есть у всех, но это не значит, что все должны их друг другу показывать. Не давай волю эмоциям, и никто не узнает о твоих чувствах...*

– Сильно сказано! Но как же жить без эмоций, без чувств, ведь они так украшают нашу жизнь! Без них пресно, невкусно,

но... – наступала я, ужасаясь своей эмоциональной иррациональной жизни на фоне Аллочкиного спокойного благополучия. «Вот! Есть же на Земле человек, который знает, как жить, и живет так, как знает!» – думала я и снова приставала к ней с расспросами. – Аллочка-русалочка, а если проблемы, как их пережить?

– *Не переживай – и переживешь!* Проблемы в жизни – это всего лишь задачки, как по математике, помнишь? Есть условия, к которым надо подобрать нужную формулу, применить ее и затем просто не ошибиться в вычислениях. И будет, поверь мне, будет у тебя правильный ответ!

С кухни донесся раздраженный голос Лешика:

– Я! Да я, знаете, какой? – Он стучал себя в грудь так, что было слышно через стену. – Я гордый, хоть и люблю ее. Я богатый, хоть вы этого и не знаете. Я...

– А у меня только вопросы и ни одного ответа... – поскорее продолжила я, отойдя к окну, чтобы не слушать Лешкин бред и не переживать, как учила Алла. – Я жила с мужем вроде в сытости и довольстве, только разве это жизнь, когда тебя, как домашнее животное, кормят, поят, выгуливают иногда, а душевной близости нет, и к жизни отношение разное, и мечтаешь о противоположном... Это как в одном бассейне плавать, но все время в разных направлениях. Только друг другу в лицо волны пускаешь... Мне казалось – уйду, стану человеком, а потом уж вернусь к личному обустройству, найду себе мужчину-друга, буду ему помогать во всем,

а он будет обо мне заботиться... А все не так просто. Чем старше становишься, тем сложнее друга найти.

— Ну, человеком ты стала, сомнений нет. — Алла громко выдула изо рта дым и помолчала. — Даже слишком умным. Для женщины ум что?

— Знаю. Непозволительная роскошь.

— Умница. Я поэтому и учиться в институт не пошла. Теоретические знания хороши, но они питают ум, ими сыт не будешь. А вот практический опыт насыщает конкретно. Ой, извини... Ко мне пришли. Рада была поговорить. Пока. Не пропадай.

— Пока, — сказала я и понуро застыла над наволочкой, снова зажимая в руке утюг. Живут же люди! И все-то им понятно — в чем смысл, как надо... вот бы и мне так... Может, съездить передовой опыт перенять?... Хотя...

И так ясно, что жизнь — жесткая и бестолковая игра, смысл которой каждый определяет для себя сам. И, как в каждой игре, в жизни есть свои правила. Предполагается, что они одинаковы для всех участвующих, но это не так. Нет равных условий.

Да, изначально все мы приходим в этот мир одинаково маленькими, совершенно обнаженными и равно незащищенными. Но тут же жизнь начинает играть с нами, заворачивая каждого младенца в пеленки разного качества, купленные разными родителями в совершенно разных магазинах. «Вот вам. Вот ваша жизнь. Играйте, малыши! Играйте от ду-

ши!»

И мы играем, как можем. Сначала увлеченно, в дешевые погремушки и обычные кубики, а с возрастом мы все дороже платим за свои игрушки, но все меньше удовольствия получаем от игры. Все труднее и труднее нам становится поддерживать азарт и состояние влюбленности в жизнь, которые имеют обыкновение выветриваться с годами. Чем дольше живем, тем скучнее играть, тем больше надо стараться, чтобы почувствовать адреналин в крови и ощутить прелесть жизни.

И вот приходит любовь. Но и это, оказывается, игра. Богатые играют с бедными, старые с молодыми... А холостые пытаются строить отношения с семейными, хотя это уже игра не по правилам: силы не равны, а исход практически всегда заранее предопределен. Один устает от избытка любви, другой страдает от ее недостатка.

«А что в моей жизни? – Я решила попробовать разложить ситуацию, как Алла учила. – Вчера я вдруг нарушила установленные не мной правила? Похоже... Я, изначально находившаяся в невыгодном положении просителя любви, решила первой выйти из игры. Лешик, конечно, был удивлен, считая, что нужен мне – одинокой и бесхозной – больше, чем я ему, а может, он просто привык к подобным отношениям с женщинами... Это были условия задачи. Дальше формула. Ну, какая бывает формула у наших мужчин, когда они разобраться в чем-то хотят? Одна. Водка называется. Рю-

мочка этой «разъяснительной формулы» не прояснила положение, да и вторая тоже... А третья привела его сюда: распе- тушила и отправила выяснять, почему он, весь такой заме- чательный, снова отвергнут мной и унижен моим категори- ческим «нет!», как когда-то в ранней юности. Он ведь пол- жизни ждал своего часа, добивался моей благосклонности!..

Вот и ответ нужный: я все сделала правильно. Его привела ко мне не любовь, а эгоизм. Сработала формула. Есть ответ. Ай да Алла!..»

– Я! Я к ней так относился! Я даже думал... Если бы не дети, я бы... – Лешик опять начинал буянить, прорываясь из кухни сквозь живые баррикады моих подруг.

Я прислушалась.

– Что «я бы», Лешик? Женился бы? – донесся до меня ледяной тон Танюхи Сметаниной. – Слово «ЖЕ-НИТЬ-СЯ» никак не произносится, да? Трудное слово. Понимаю...

– Да я тут перед ней... А она? Даже не вышла! На-та-ша!

– Она гладит, – парировала Анютка.

– Ты вот когда последний раз гладил? – спросила его Иришка.

– Что гладил?.. Не понял... – Лешик, сбившись, даже про- лил очередную порцию драгоценной жидкости мимо рюмки. А следом и рюмка опрокинулась на стол. – Черт! Да пусть придет, я ее поглажу и ручку ей поцАлую, если захочет...

Лешка сидел на кухне, позабыв про жену и детей, и рас- сказывал моим подружкам, как он меня любит. Но торжества

не было, меня это только раздражало. «Хороша ложка к обеду» – не зря говорят. А в наших отношениях, выражаясь тем же языком, наступило время вечернего кефира. И не нужна мне была ложка, и обед был не нужен, выпить все, что осталось, залпом и... забыть.

Дверь приоткрылась, и через узенькую щелочку в комнату просочилась Инночка.

– Наташечка, за мной Степушка приехал, я побегу?

– Конечно, а чего мы так сияем?

– Он везет меня в боулинг. Шар, кажется, катать.

– М-м-м, в боулинг? Смотри не укатись сама за этим шаром, он для твоей комплекции тяжеловат будет.

– Я боюсь, что совсем не подниму, – испуганно зашептала Инночка и стала разминать пальцы. – Руки-то за неделю устали – ужас. Я ж в две смены сейчас работаю, мне и ночью снится, что я массаж делаю.

– Так, может, откажешься? – спросила я, заранее зная ответ.

Инна замахала на меня руками, в глазах появился испуг.

– Нет, я пойду, ждет он!.. А ты... Может, все-таки помиришься?

– Я подумаю, – промямлила я, скривившись так выразительно, что русоголовый ангелочек тут же исчез за дверью, послав мне воздушный поцелуй.

Уровень шума, доносившегося с кухни, возрастал катастрофически. Нет, без моего участия это никогда не закон-

чится.

Я решительно раскопала среди неглаженного белья Лешкину футболку, купленную летом на юге, во время нашего единственного недельного совместного отдыха. Белая, с надписью «Я люблю тебя, жизнь!», сегодня она особенно раздражала меня своим незримым присутствием. Я тоже люблю жизнь. А с сегодняшнего дня, когда не останется в моем жилище ни одной его вещи, я буду любить себя и свою жизнь еще больше.

Я тщательно разгладила футболку, особенно буковки на груди, сложила ее вместе с Лешкиным спортивным костюмом и кроссовками в сумку и подошла к двери. Оглянулась зачем-то, пробежавшись взглядом по мебели. Кажется, все. Лешка навсегда переезжал из моей жизни к себе домой. «Уф! Страшно. Будто сына в спортивный лагерь провожаю», – почему-то пришло мне на ум. Я вернулась к шкафу, взяла с полки пару Лешкиных любимых видеокассет, деревянную фигурку китайского дедочка, которая ему очень нравилась, бросила в сумку. Подумала, положила сверху еще пару яблок, высыпала карамельных конфеток из вазочки, будто хотела подсластить горькую пилюлю, которую Лешке придется все-таки съесть сегодня, и открыла дверь в коридор.

Похоже, страсти на моей кухне накалялись. Лешка разошелся не на шутку, спорил со всеми, что-то доказывал, рассказывал антиженские анекдоты, жаловался на жизнь... Вдруг раздался какой-то шум, он зарычал, похоже, прорыва-

ясь к двери... Кто-то его останавливал, звенела посуда, какой-то хрип, всхлип... Господи, да что там такое? Раздался страшный грохот, глухой шлепок... Что-то упало на пол? Вазу свою разбил, что ли?..

Я влетела в кухню и застыла с сумкой в руке.

– Окно! Откройте окно! – кричала Иришка, а Лешик, откинувшись на спинку дивана, держался рукой за сердце.

Анюта возилась с заклинившей форточкой, Танюха, перепрыгивая через раскиданные по полу между осколками вазы хризантемы, рванула к телефону, а я так и стояла, не в силах шевельнуться. Боже мой...

Ирина подняла на меня глаза и, продолжая расстегивать верхние пуговицы Лешкиной рубашки, как-то нетвердо попыталась меня убедить:

– Все будет в порядке. Просто сердце... Водка проклятая!!!

Я так хотела ей верить!

– Не стой столбом! Лекарства накапай... Воды дайте!.. Кто-нибудь... – Иринка уже взяла себя в руки и говорила увереннее.

Я бросила сумку на пол, послушно сделала несколько шагов за пузырьком валокордина и встала...

– Аня, дай воды! – Иришка переадресовала просьбу. – И уведи ее, а то она сама щас брякнется еще, не дай Бог. Смотри, бледная какая...

– «Скорую»... Вызовите «скорую»... – сказала я в никуда,

молча уткнувшись взглядом в Лешкино изменившееся лицо. «Господи, что же будет?» – крутилось в моей голове.

Анюта обняла меня за плечи и потащила через коридор в комнату.

– «Скорую», кто-нибудь вызовите «скорую»... – пробормотала я, опускаясь в кресло, и почувствовала, что пол уплывает из-под моих ног...

В понедельник, второго ноября генеральный директор одной ма-а-аленькой русской оффшорной конторы на Кипре с утра закрылась в своем большо-о-ом кабинете, и три сотрудника ее фирмы, включая уборщицу и водителя, ходили мимо двери на цыпочках. Никто не знал, что делает великая начальница, да и из комнаты, на двери которой висела золотая табличка: «Алла Савинова, финансовая компания РУСАЛ-КО», – не доносилось ни звука.

Странное название «Русалко», не правда ли? Алла придумала его сама. В названии фирмы были три заветных слова: «русская», «Алла» и «компания». Чем плохо? Слишком романтично для финансовой компании? Да какая, собственно, разница, лишь бы деньги шли... А деньги шли... И полдня прошло на фирме в напряженном ожидании свежих начальственных распоряжений по итогам совещания руководительницы с самой собой.

Только сизый голубок, заглядывавший с подоконника в окно, мог предположить, что никаких новых указаний Алла дать не может, потому что уже третий час подряд, лишь

изредка отвлекаясь ненадолго, сидит за столом переговоров, склонившись над чистым листом бумаги. Но птица ни о чем не думала, она просто радовалась теплему солнышку, которое замечательно пригревало крылышки, и безоблачному синему небу, в котором так славно кружиться; птица просто радовалась этой огромной и великой жизни, потому что была сыта и здорова.

В жизни Аллы тоже было мало проблем, она чувствовала себя хорошо и недавно плотно позавтракала... Тем не менее госпожа Савинова готовилась начать новую жизнь. Новую – это, конечно, значило: еще более счастливую... Так чего же не хватало ей в этой, теперешней?

Ровно в 9.00, на первой минуте наступившего рабочего дня, Алла решительно провела на белоснежной бумажке формата А4 жирную продольную черту и отчертила вверху две графы: с хмурыми заглавием «Прошлое» и светлым названием «Будущее». Она четко следовала отшлифованной до блеска схеме начала нового жизненного этапа: подведи итоги – составь план. В 9.05 на бумагу легла тень недавно пережитого горя: «Умер Дима». Алла провела несколько стрелок сквозь продольную черту из прошлого в будущее, написав черной перьевой ручкой фирмы «Вассерман»: «Я – ген. дир. компании. Вилла – моя. «БМВ» – мой. Деньги – мои. Все мое». Заныло сердце. Ужас!..

– Эмоции – на дно души! – тихо произнесла Алла и прислушалась: то ли к тому, как стучит сердце, то ли к тому, как

разнеслись по кабинету слова... И то и другое звучало в этот день как-то неубедительно... Димку было жаль все равно. И себя было жалко почему-то. Может, потому, что с уходом из жизни мужа в ее жизни появились проблемы? Да нет вроде. Проблем никаких нет. Давно уже нет... Но нет и мужа...

До сорока Алла собиралась родить. Оставался год с хвостиком, а никакого плана, как это осуществить, не было. Без мужа рожать ребенка совсем не хотелось, неправильно это, чтобы у малыша не было папы... Алла подумала и старательно вывела – «Муж». Круг замкнулся. Так уже было восемь раз в ее жизни – она ставила себе задачу найти мужа. Что ж, попробуем девятый...

Посидела, вглядываясь в написанное. «Как замечательно смотрятся эти три буквы в таком порядке! И все же как-то категорично... Удастся ли быстро найти себе мужа, чай, не девица на выданье?..» Пришлось зачеркнуть короткое, емкое слово «муж» и заменить его на более широкое, размытое: «Ухажер». Но слово «ухажер» звучало почти как «тренажер», а тренироваться Алле было уже некогда – возраст. Оставалось такое непонятное, но очень приятно звучащее слово мужского рода «друг»...

Зазвонил телефон. Алла откинулась, разминая затекшую шею, выждала необходимое время и с достоинством произнесла:

- Генеральный директор «Русалко» слушает.
- Привет, это я. Слушай, Аллочка-русалочка, у меня тут

такие дела, я третьего буду у тебя, в Лимасоле.

– Отлично, в нашей деревне рады любым гостям, а уж друзьям... Тебя встретить? Не надо. Поняла. Ага. Жду звонка, как приедешь. Пока!..

«Да, друзья... Так о чем я? – вновь склонившись над своей бумажкой, задумалась Алла. – Кажется, требуется определить кандидатов на Димкино место мужа?.. Друзей, в смысле приятелей, было много, а вот друзей, чтобы назвать их сердечными?...»

«Ну кто? Андрас? Мог бы стать другом, богатый очень! Но стар. Какой же он друг? Петрос. Красив, как греческий бог, да вот нищ, как воспитатель детского сада. Ну почему мужчины не яблоки? Я бы их скрещивала».

Алла громко хрустнула огромным красным яблоком, вспомнила про Даниэля и продолжила вслух:

– Лысый. Хотя, говорит, был рыжим. Пузат, хотя, говорит, был... В общем, из серии «Когда я был молодым и красивым...»! Зато из Англии, Евросоюз все-таки. Это вам не Гриша из Анапы. А как он восхищается дизайном моей виллы, теплой водой в прозрачном бассейне. Сколько экспрессии! Вот бы в постели так... М-да... Нет. Лучше Артура в постели нет никого. И жениться он очень хочет. Только у него какие-то проблемы с визой. Нет, нет, нет! Мальчики, это не со мной! Я не благотворительное общество для беженцев из горячих точек...

Опять зазвонил телефон, завибрировал и пополз по столу,

как живой. И как люди раньше без этого великого достижения человечества жили? Непостижимо!

Звонил бизнес-партнер из Парижа, вице-президент одного крупного банка, господин Филипп Круатье. «Надо же, почувствовал!» – удивилась Алла. Они обсудили проблемы доллара и евро, поболтали о сбоях в системе «Рейтер» и немного о жизни вообще.

– Какие новости? – спросил Филипп.

– Живу в свое удовольствие, – ответила Алла.

– Какие новости? – повторил Филипп.

– А почему у меня должны быть новости? – спросила Алла.

– Не знаю, что-то чувствую. Ну, какие?

– А ты о каких новостях?

– Ты знаешь, Алла, не мучай меня.

– Не скажу. Вы сами себя с ней мучаете, – все еще сопротивлялась Алла, но чувства влюбленного человека уже нельзя было обмануть.

– Так! Говори! Какие новости? Когда приезжает? Каким рейсом? Ну же?! Я хочу лично поздравить ее с днем рождения!

Весь последний год, в каждом разговоре Филипп задавал эти вопросы, выпрашивал ее, чтобы тут же прилететь на Кипр, если вдруг его любимая женщина...

– Третьего. Регулярным. Гостиница «Мирамар». Лимасол. Не продай меня. Мы же друзья? – Сегодня Алла решила

пожалеть Филиппа, ведь он и правда почувствовал, что она едет. Хотя мог бы и в Москву, например, приехать, почему обязательно на Кипре встречаться?..

– Алла! Я привезу тебе ящик французского шампанского. Пока! Я первым рейсом. Хочу обогнать.

Услышав в трубке короткие гудки, Алла положила телефон на край стола, подошла к зеркалу у двери и взглянула на себя оценивающим взглядом:

– У тебя так тоже обязательно будет. Как там Наташка говорит? Все будет хо-ро-шо? Тьфу, какие глупости! Конечно, будет. Сейчас подумаю как – и будет. И никакой дури этой романтической. Лю-бовь у них, понимаИшь! Надо верить в себя, а не в любовь!..

Уже почти сорокалетняя Алла действительно верила в себя, и это был ее самый крупный козырь. Она умела так гордо носить себя, словно стоила миллион, и все невольно склоняли перед ней головы, потому что так ходить могло только ее величество.

Жаль, что пойти ее величеству было особо некуда. Несколько улиц с тротуарами в центре маленького кипрского города Лимасола, ковровая дорожка от входной двери до ее кабинета в офисе и большой сад собственной виллы, по которому Алла выхаживала гордо и независимо, с высоко поднятой головой и согнутыми в локотках ручками, в шляпке от кутюрье, с зонтиком от солнца.

Правда, были у нее, как у каждой уважающей себя коро-

левы, верные пажи: Никос и Никандр, оба давно и безнадежно влюбленные в свою госпожу. Но Никос был садовником и по совместительству чистил для Аллы бассейн, а Никандр был стареньким, маленьким, злобным пудельком, названным в честь одного из мужчин Аллочкиной молодости, Николая Андреевича (сокращенно – НикАндра). Вот, собственно, и все имеющиеся в наличии дружественные связи свободной независимой русской женщины из красивого дома с видом на синее море.

«Ау! Люди! Не проходите мимо. Я здесь. Посмотрите, как здорово я живу!» – волчицей выла Алла, выглядывая из окон своего сногшибательного логова на проезжающие у подножия ее холма машины. Но никому до этого не было никакого дела.

«Ну и живи, чего ты от нас хочешь?» – казалось Алле, что именно так, ей в ответ, таращились колючками кустики и ветками полужасохшие деревца. Они и сами кое-как выжили на иссушенных солнцем холмах вокруг виллы, не до Аллочкиных страданий им было. И от этого равнодушия Савиновой становилось не по себе, но об этом никто не должен был знать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.